

Половцев Д.О.  
Белорусский государственный университет, Минск

### **ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ В ПОВЕСТИ Э.М. ФОРСТЕРА «МАШИНА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ»**

Пожалуй, из всего художественного наследия классика английской литературы XX в. Эдварда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster, 1879-1970) наименее исследованными являются следующие произведения прозаика: антиконформистский роман «Морис» (*Maurice*, 1971), сборник рассказов «В жизни грядущей» (*The Life to Come*, 1972) и повесть «Машина останавливается» (*The Machine Stops*, 1909). Отметим, что ни роман, ни повесть, а тем более и сборник рассказов не становились объектами специального научного исследования как в постсоветском литературоведении в целом, так и в белорусском литературоведении в частности. В этом и заключается новизна настоящей статьи.

Сюжет повести «Машина останавливается» довольно прост: прозаик изображает повседневную жизнь людей в эпоху Машины. Произведение Э.М. Форстера антиутопично; герои существуют в маленьких комнатках под землей, выход на поверхность возможен лишь с разрешения Центрального Совета и в специальных респираторах; считается также, что «наверху» жизнь давно исчезла.

Жизнь людей «внизу» регламентирована и целиком зависит от Машины, которая заменила им религию: «Машина, – восклицали они [люди. – *Д.П.*], кормит нас, одевает и дает нам приют. Через нее мы говорим друг с другом, через нее мы видим друг друга, в ней обретаем свое бытие. Машина – друг идей и враг предрассудков. Машина всемогуща и вечна. Будь благословенна, Машина!» [1, с. 340].

Отметим, что еще в начале XX в. английский прозаик предугадал проблему коммуникации в век (пост)информационных технологий. Вот как звучит ключевой, на наш взгляд, вопрос анализируемого произведения: «Разве ты [Вашти. – *Д.П.*] не понимаешь, разве не понимают все твои лекторы, что мы умираем, а по-настоящему живет под землей одна Машина? <...> Она отняла у нас ощущение пространства, отняла чувство касания, загрязнила все человеческие отношения, низвела любовь до полового акта, парализовала наши тела и нашу волю, а теперь принуждает нас обожествлять ее» [1, с. 335-336]. Таков вопрос сына к матери.

Дело в том, что Вашти вынуждена – по просьбе сына Куно – отправиться в путешествие и навестить его. Ей предстоит дорога «с острова в юном полушарии, в подземной глубине которого жила она, на остров в северном полушарии, где также под землей жил ее сын» [1, с. 322]. Ее первоначальным желанием было не осуществлять поездку на другой конец земли, так как ей была чужда непосредственная коммуникация. Желанием Куно было желание видеть мать непосредственно, не «через Машину», которая не передавала точного выражения лица. Однако для этого Вашти нужно было перебраться на другое полушарие. «Терпеть не могу мерзкую бурую землю, и море, и звезды во мраке» [1, с. 318], – таковы ее аргументы для отказа от поездки к сыну. Именно благодаря Машине близкие люди, кажется, навсегда утратили вербальные средства общения: «Почему ты [Куно. – *Д.П.*] не отправил письмо пневматической почтой?» [1, с. 318], – вопрошает Вашти. В этом пассаже главной героини заключена идея о том, что люди могут обходиться без непосредственного общения, могут воспользоваться посредниками для совершения акта коммуникации. В случае с Вашти таким является обожествляемая ею Машина. В конце концов, после многих размышлений Вашти принимает решение навестить сына, хотя ей было известно, что, согласно Книге Машины, «родительские обязанности кончаются с появлением ребенка на свет» [1, с. 323]. Тем не менее, героиня делает такой выбор, нарушая тем самым предписания обожествляемой ею Книги.

В процессе путешествия Вашти сторонилась взглядов других пассажиров, ее тревога возросла от факта наличия настоящей стюардессы на борту, к которой нужно было обращаться во время полета. В эпоху Машины люди не просто боялись вербального контакта, а избегали и тактильного как такового: «Когда Вашти с криком отшатнулась от солнечных лучей, стюардесса повела себя варварским образом: она протянула руку, чтобы поддержать Вашти.

– Как вы смее? – воскликнула та. – Вы забываетесь!

Женщина смутилась и попросила извинения за то, что не дала Вашти упасть. Люди теперь никогда не дотрагивались друг до друга» [1, с. 327].

Достижение внутренней гармонии героями Форстера возможно посредством личных взаимоотношений, что, безусловно, связано с теорией «личных контактов», проповедуемой литературной группой Блумсбери, куда на некоторое время входил и сам прозаик. Вероятно, из-за подобного поведения путешествующих на борту он использует местоимение «оно» при упоминании о них: «в каждой комнате находилось человеческое существо; оно ело, спало или вырабатывало идеи» [1, с. 325].

По приезду матери Куно сообщает ей, что ему грозит Отчуждение, т. е. смерть. В эпоху Машины это происходило так: «жертву выводили на поверхность, и наружный воздух убивал ее» [1, с. 329]. Побывать «наверху» можно было вполне законно, если, как уже указывалось выше, получить респиратор и попросить разрешение на право выхода. Однако Куно нарушил эти правила; он искал и нашел свой собственный выход.

Куно – форстеровский герой, который постоянно (как и многие другие герои прозаика) находится в поисках себя. Для этого ему необходимо побывать в ином пространстве, т. е. «наверху». Его, однако, находит и возвращает в мир «цивилизации» Ремонтирующий Аппарат. Вербализировав свое желание жить «наверху» и сообщив матери о существовании жизни на поверхности, он тем самым вынуждает Вашти уехать, ибо, по ее убеждению, сын сошел с ума.

Спустя несколько лет после неудачной вылазки Куно на поверхность отменили респираторы. «Передовые мыслители» эпохи посчитали экскурсии на поверхность глупым мероприятием. Второе важное событие – это восстановление религии, но не религии как таковой, а религии Машины.

Однажды, находясь у себя в комнате, Вашти увидела вызов сына. Она к тому времени уже считала его человеком, который «**был** моим [ее. – *Д.П.*] сыном [выделено нами. – *Д.П.*]» [1, с. 342]. Он так и не был

Отчужден; его за недостойное поведение переселили из северного полушария в южное, однако, мать не поддерживала никаких отношений с ним. Куно сумел объявить ей торжественно, что «Машина останавливается» [1, с. 342].

Действительно, в последнее время начали происходить какие-то неполадки с вещаемой из механизмов музыкой, но Вашти отправила жалобу в Комитет Ремонтирующего Аппарата, который обещал в кратчайшие сроки все исправить. Позже отказал и Спальный Аппарат.

Через некоторое время повреждения были частично исправлены, но наступил все-таки день, «когда совершенно неожиданно, без всяких предварительных сигналов, система коммуникаций во всем мире разом распалась и мир, в понимании людей той эпохи, перестал существовать» [1, с. 345]. Только после этого Вашти наконец-то поняла, что эре Машины пришел конец.

Очень трогательно Э.М. Форстер описывает ее последнюю встречу с Куно:

«– Есть еще надежда, Куно?

– Для нас – нет.

<...>

Она пробралась к нему через мертвые тела. Кровь его обрызгала ей руки.

– Скорее, – выдохнул он, – я умираю. Но мы касаемся друг друга, мы говорим не через Машину [выделено нами. – Д.П.].

Он поцеловал ее» [2, с. 348].

Итак, повесть английского писателя-модерниста – произведение-предупреждение, повествующее о возможности утраты коммуникации между людьми, что может иметь место в условиях технократического мышления. Э.М. Форстер с присущей ему ироничной манерой и собственным видением указывает на барьеры и препятствия коммуникации (и ищет пути их преодоления) между миром, Машиной и Человеком, между Природой и Цивилизацией, и, наконец, между Человеком и Человеком.

### Литература

1. Форстер, Э.М. Машина останавливается / Э.М. Форстер // Избранное. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2000. – С. 315-348.